

Старый Макар завозился на кровати. Открыл глаза. Тяжело вздохнул. Опять не спится. В избе темно. Он покосился на окошко. Там, за ним, чуть светлеела полоска. Опять завздыхал. Сны какие-то мимолетные. И почему-то бабка Марья в них: молодая, красивая и стоит, смотрит, ни слова не скажет. С укором смотрит. А почему? Сколько спрашивал, она молчит, а потом повернется и уходит. Видать, зажился на этом свете. Давно уже пора за порог, а все колготится. Видно, много грехов накопилось за долгую жизнь, поэтому Боженька не забирает. Здесь оставил, чтобы помучился...

— Эх, ты бы сказал, в чем я провинился,— посмотрев на потолок, забормотал дед Макар.— Все уж давно там, а я небо копчу. Пора бы с моими встретиться, а ты не пускаешь.

— Спи, а то я скажу, в чем твоя вина и быстро отправлю в дорогу дальнюю,— донеслось из другой комнаты.— Сам не спит, и нам не дает.

Дед Макар присел на кровати. Опустил худые ноги. От пола потянуло холодом. Вздохнул. Пожалел сына, когда он приехал весь побитый, виноватый. Полжизни прожил, промотался, а не увидел ее — эту жизнь, и ребятишек не родил, и дом не поставил. Перекати-поле в жизни. Пожалел на свою голову. Принял сына. Первые дни все делал, что попросишь, ни в чем не отказывал. Чутьочку оживел, в город смотался и оттуда бабу за собой приволок. И снохой не назовешь, так — приживалка. Такая же, как сам. Отъелись, отоспались, а теперь никакого житья от них не стало. Впору, хоть выгоняй. Да разве выставишь за дверь — все же сын, родная кровинушка. Вот и приходится терпеть...

Дед Макар сидел на кровати. Ноги озябли, а печка теплая. Он потрогал кирпичи. Теплые. А из щелей в полу сквозит. Крысы источили и полы старые. Потянулся, схватился за край ватного одеяла, укрыл ноги. Сколько говорил сыну, чтобы полы перебрал, а он отмахивается. Видите ли, некогда ему. А что некогда, если толком-то не работает. Ни в одной бригаде не задерживается. Отовсюду выгоняют. В глаза выговаривают, что лодырь. Может, оно и так — лодырь. С малых лет работы чурался,

все бегал от нее, как черт от ладана. Всю жизньюшку пробегал, всю страну исколесил вдоль и поперек, себя искал или от работы бегал — непонятно, а потом прикатил, ни копя за душой, ни порток запасных. Да еще бабу с собой приволок. Поспать, пожрать и выпить не дура, а работать — Боже упаси! Здоровье слабое, а у самой рожа блстит, как начищенный самовар, и поперек себя шире. Эх, жизня-жизня...

Дед Макар взглянул на темное окно. Запотело. Видать, под утро похолодало. Что поделаешь, весна — она капризная, как своенравная девка. Днем жаром пышет, а ночью в ледышку превращаешься. Старый Макар поелозил по кровати. Хорошая кровать, добротная. Отец на свадьбу подарил. Так и не признался, где ее достал. Кованая, вся узорчатая и в завитушках. Красивая, а какая крепкая — страсть! Всю жизньюшку простояла и ничего с ней не случилось. Сначала бабка спала, а потом, когда ее не стало, сынок глаз положил, хотел вместе со своей зазнобой спать, а дед Макар не разрешил. Негоже, чтобы на ней спала чужая баба, хоть она и сыновья. Вот не будет его, снесут на мазарки, тогда хоть забирайте, хоть продавайте или выкидывайте — ваше право, а сейчас, пока живой, дед Макар решил сам на ней спать.

Всякие мысли в бошку лезут. Старый Макар прислушался. Казалось, в доме тишина, а в то же время, размеренно тикают ходики, а вот шумнуло, наверное, дом проседает — старый, что уж говорить, а может, на улице шум раздался. Кто его разберет в глухой ночи. Темные ночи, тягучие, как само время. А разве время тягучее? Наверное, для каждого человека по-своему тянется. А здесь не успеешь оглянуться, глаза открыть, смотришь, уже день на дворе, а там и ночь наступила и опять думки и думки одолевают. Чего только не передумаешь темными ночами. Это молодые поспать любят, а старики уже вполглаза дремлют. Не успеешь глаза закрыть, а, кажется, будто выспался. И начинают мысли в башке крутиться. И чем больше думаешь, тем больше их становится — мыслей-то, как ком снежный нарастают. И от них на душе тяжелее становится, словно каждая думка грузом на душу ложится. И не сдвинешь их никак, они к земле давят. Видать, время подходит.

Дед Макар взглянул в темное окно. Там за окном огород. Уж давно пора картоху посадить да всякую мелочевку, а у них еще невспаханная земля. Соседям стыдно в глаза смотреть. По улице идешь, на огородах бабьи платки виднеются, да мужики землю копают, градки делают, а у них все позаросло сорняками. Зеленым ковром стелется березка. Все заплонила, все заплела. Потом замучаешься косы выдирать. Сыну говорил, а он все рукой машет, все морщится, а его баба, вообще, фыркнет, в избу пойдет и быстрее на диван валится. Устала, бедненькая. Устала за столом ложкой махать, как веслом на речке.

А начнешь сына стыдить, он набычится, исподлобья посмотрит и начинает сваливать на другого брата, на Петруху. Он, сволота этакий, совсем про деревню забыл. Забыл, что здесь отец живет и брат старший. Мог бы приехать да помочь. А как приедет, ежли за сотни верст от родного дома обитает. Ездил, когда поближе жил, а сейчас перебрался за тридевять земель, не то, что приехать, порой дозвониться не может. А старший, Валерка, пользуется этим. Каждый раз носом тычет, всякий раз на братишку сваливает, а сам лентяйничает. Хоть бы башкой подумал, что зимой жрать станут. Вот и получается, что не на кого надеяться. Мужик в доме, а помощи никакой.

— Эх, сынок, сынок, — почесывая заросшую щеку, пробормотал дед Макар. — Думали с бабкой, что на старости лет подмогой станешь, а ты...

И махнул рукой.

И опять думки за думками... Когда бабка Марья была жива, младшенький сынок, хоть редко, но все же приезжал. Бывало, прикатит с женой и ребятишками, а бабка-то нарадоваться не может. И баба у него хорошая. Заботливая — страсть! И за ребятишками ухаживает, и за Петькой, как за дитем, смотрит. Чуть ли не с ложечки кормила. И уважение было к родителям. А как же! Все помочь норвила, как возле печи, так и на огороде. И не гляди, что городская. Все умела делать, никакой работой не гнуша-

лась, а что не понимала, так спрашивала. За все бралась. Все в руках горело. А вот у старшего, у Валерки, бабы не держались. Все какие-то шалопутные попадались. Одна гуляла, другая в рюмочку заглядывала, а третья — лентяйка, как сам. Наверное, каждый человек по себе вторую половинку ищет или судьба так распределяет. Хорошо-му человеку — хорошую бабу, ну, а плохому — что останется...

А бабка Марья спала и видела, что младшенький с женой приехал. Все ждала его. Телеграмму принесут, что они едут. Вот уж радости у бабки! И наварит, и напечет, а потом все в окошко поглядывает, все ко двору выходит и на дорогу смотрит. Ждет. А появятся, не знает, куда посадить сыночка с женой. За стол усядутся, она полный стол приготовит, сама примостится на краешек табуретки, подопрет ладошкой щеку и глядит на них, насмотреться не может, и слушает, а сама сидит, улыбается... А вечером, когда все улягутся, она с Петькиной женой, Катюшкой, усядутся на кухоньке, дуют чай из самовара с карамельками да сушками, а сами шепчутся, не могут наговориться, все друг дружке секреты рассказывали. Одна душу изливает, а вторая слушает, советует, словно мамка родная...

Дед Макар завздыхал, вспоминая свою бабку. Что ни говори, а хорошая баба ему досталась. Всякое в жизни случалось. Иногда казалось, бабка слишком перегибала палку, особенно, если лишку выпивал и начинал куражиться. Пьяному ничего не говорила. Стащит одежду, толкнет на кровать и спи, давай. А вот утром зудела. Нет, не кричала, как другие бабы, а спокойно говорила, но так, что готов был из дому бежать — совестно становилось... Нет, даже не то, что стыдно, а вот здесь начинало свербеть, в груди болеть и так сильно, так мучительно, что он только кряхтел... Дед Макар кашлянул, потирая грудь. Правда, снесли на мазарки старуху, и словно кусок по живому отрезали.

— Батя, что тебе неймется? — недовольно заворчал старший сын, когда дед Макар сунулся на кухоньку, чтобы воды попить и случайно звякнул кружкой.— Шляется, шляется всю ночь по дому, как ненормальный. Ни себе, ни людям покоя нет. Поспать не даешь.

И зевнул: громко, протяжно, потягиваясь. А чуть погодя, снова захрапел.

Дед Макар опять взглянул в окошко. Так, едва заметный рассвет. Еще темно, но внутри этой темноты стали просматриваться едва заметные дома, кусты над дорогой, а там сарай чернеет. Эх, глазами бы все переделал, а руки и ноги чужими стали. Давеча вышел во двор, хотел навоз вывезти, взялся за вилы, разок-другой подцепил, охнул и ноги подкосились. Едва с земли поднялся. Так стрельнуло в спину и куда-то еще, аж дух занялся и в глазах потемнело. Сына покликнул, чтобы помог до избы добраться. Валерка вышел, глаза дерет. Видать, опять к подушке прислонился. Стал ему говорить, что произошло, а сын матюгнулся, махнул рукой, опять обозвал полоумным и хлопнул дверью. Видать, снова спать отправился. Так и пришлось самому чуть ли не на карачках до крыльца добираться. Эх, жизнь-жизня...

Руки болят. Боль, как казалось, по рукам стекала в опухшие шишкастые пальцы и в самых кончиках собиралась, аж зудело в них, видать, выход искала. Дед Макар присел на табуретку возле окна. Рядом с окошком тумбочка, а на ней лежали очки и пожелтевшая газета. Сколько уж времени лежит, а читаешь, как новую. А в тумбочке стопка писем — это бабка собирала. Бывало, вытащит письма и начинает перечитывать. Медленно читала, по слогам. Остановится, взглянет поверх очков на деда Макара, слушает ли, и опять читает. Видать, тоску унимала... Сколько лет прошло, уж давно младший сынок перестал письма слать, а у деда Макара рука не поднималась выбросить их. Жалко, все же память о сыне, а возьмешь в руки, сразу свою бабку Марью вспоминаешь, как сидела, перебирала, читала... Здесь, в тумбочке, все их с бабкой богатство. Несколько значков, грамоты за хорошую работу, фотографии сыновей, внука и внучки, три снимка с бабкой — это фотограф снимал для районной газеты. Там она строгая, брови к переносице и смотрит сурово, словно сказать хочет,

а не задержался ли ты, Макарушка, на белом свете, а не пора ли ко мне перебираться, я жду тебя, ожидаюсь, а ты до сей поры небо коптишь...

Всякие мысли в бошку лезут. Жизнь-то долгая была. Всего насмотрелись в ней — в этой жизни: и хорошего, и плохого, и веселого, и слезливого... А теперь все эти мысли наружу вылезают. Вроде спать улягешься, глаза закрыл и, кажется, что все — уснул, ан нет, словно шилом ткнули — это какая-нибудь думка появляется. Глаза откроешь и начинаешь ее со всех сторон рассматривать, да в башке мысли шевелить. Вроде бы думка ушла, опять глаза закрыл, и не успеешь понять, спал или нет, как снова шилом ткнули. И опять лежишь, тарачишься в ночную тьму, а сам перебираешь мысли, раскладываешь по полкам. И так до утра...

Вон, Валерка храпит, аж стены трясутся. И баба его, Анька, от него не отстает. Спят-посыпохивают, и никаких забот. Странно живут — одним днем. Не думают, что с ними завтра будет. День прошел, ну и... Дед Макар нахмурился. Может, сейчас дети такие — безголовые? А как же Петька... Он же ухватистый — страсть! Все на лету схватывает. И жинка его — такая же. А Валерка не думает. И баба его — лодырь. Вот тебе и родные братья, а такие разные.

Дед Макар прислушался. Заскрипела кровать. Валерка закричал. Поднялся. Зашлепал по скрипучим половицам. На двор сходил. Вернулся. Громыкнул крышкой на ведре. Звякнула кружка. Звучно попил воды. Опять закричал. Вернулся в комнату. Завалился на кровать. Недовольно забубнила его баба. А потом притихла. А вскоре и Валерка захрапел: густо, протяжно, переливчато.

Вот жизнь прожил, а наступает ночь, и начинают в башке всякие мысли крутиться. Никакого покоя от них. Все Валерку уговаривал, чтобы на кладбище сходить, ни разочка не был, как в деревню вернулся, а он, как обычно, отмахивался. Успеем проведать, уже никто не спортится, как он говорил. И дед Макар не удержался. Пока они дрыхли, собрался, взял батожок и направился за деревню. Там, среди березок, кладбище было. Сколько лет ему — не помнил. Казалось, всегда тут стояло. Зашел. Заблудился среди могилок. В одну сторону ткнулся, в другую, все не туда попадал. Потом стал по тропкам ходить, на кресты и памятники смотреть. Памятники стоят, а на фотографии уже не разберешь, кто находится. Пovýцветали они под солнцем да морозом, ветрами выдуло и дождями намочило и осталась от человека лишь пустая рамочка. Ладно, если надписи сохранились, а ежели исчезли, тогда почитай, что и человек исчез, и имя его позабудется. Сравняются могилки с землей и все, и никто уже не вспомнит, что здесь лежал человек, что жил на свете. Как бабка Марья говорила: «Ибо прах ты, и в прах возвратишься...»

Ходил дед Макар по кладбищу. Многих знакомых повстречал. Многие уж давно здесь лежат, вон какие могилки запущенные, а здесь недавние, даже фотокарточки красивые — это Танька Малуева, а там Иван Тихонин, гляди ж ты, уже многих снесли на мазарки, а он все живет, все небо коптит, а когда его Боженька заберет к себе — не может сказать. Наверное, много грехов накопилось за долгую жизнь, а может, не все переделал, что было задумано, — кто знает... Поэтому не забирают туда, а бабка-то ждет. В коротких мимолетных снах приходит и манит за собой, к себе зовет, он бы давно ушел к ней, но, видать, грехи не пускают...

Дед Макар устал от жизни. Понимал, что сыну в тягость. Не нужен ему. Все бубнит, всем недоволен. А начни сыну указывать, сразу в кошки-дыбошки. Не нравилось, когда носом тычут. А как же сына не тыкать, если ничего не хочет по дому делать. Живет словно квартирант со своей бабой. Утром поднимутся, сразу за стол и метут все подряд, что ни поставь. А она же — баба! Она же — хозяйка и не дело, когда старик за плиту встает или возле печки крутится. А они нажрут и уходят по делам, как говорят. Вечером пришли, как были в грязной одежде, так и бухнулись за стол, и даже руки не помыли. И скорее за куски хватаются, словно у них отнимут. Опять нажрут и быстрее на диван. Все, их не трогать. А если сунешься, начнешь

говорить, что нужно сделать по дому, что во дворе или огороде, так кроме рыков да матюгов ничего не услышишь. Квартиранты в жизни. Эх, жизня-жизня...

Дед Макар чертыхнулся и тут же оглянулся на дверь. Из комнаты раздавался громкий храп. Опять посмотрел на окно. Казалось, долго просидел перед окошком, а за ним рассвет словно застыл. Скорее бы засветлело. Развидняется, тогда можно вы-браться на улицу и посидеть возле двора. Устал за ночь в избе. Не спится.

— Скорее бы к одному концу,— пробормотал дед Макар.— Устал жить. Наверное, все люди на том свете отдыхают. А как же иначе? Конечно, отдыхают! Не успеют народиться, а Боженька всякие препятствия ставит, и с каждым разом все труднее и труднее. А если не осилишь, в канаву скатишься — и затолкают тебя, затопчут такие же, кто в этой канаве оказался. А другие идут по дорожкам, несут свой груз, что Боженька на спину положил. Кряхтят, но вперед идут. Чуют, если остановятся, враз в канаве очутятся, потому что другим нужно давать дорожку. Вот так и плюхаются всю жизньюшку, через все препятствия перебираются. И поэтому устают от жизни. И чем больше груза, тем тяжелее к порогу идти. А доберешься, хочется побыстрее сбросить груз, что на тебя с рождения взвалили, перешагнуть через порог и уйти туда, где тебя ждут-дожидаются, а там уж отдохнешь от этой тяжелой жизни.

Дед Макар взглянул в темный угол, где едва заметно мерцала лампадка. Невольно перекрестился, натолкнувшись взглядом на лик святого. И завздыхал. Он уж давно готов уйти к своей бабке. Давно приготовился. Даже одежда смертная в узелочке лежит. Как шкафчик откроешь, она на самом виду. Дед Макар не боялся ее — смерти, давно готов порог перешагнуть. Все там будем. Вот сказали бы ему или знак подали, что прямо сейчас ложись на лавку, и все, тебя заберут. И он бы улегся, не раздумывая. Там бабка ждет, а здесь никому не нужен...

Дед Макар качнул головой. Нужен, когда деньги есть... Вон вчера, едва получил пенсию, Валерка сунулся и стал выпрашивать деньги. Видите ли, своей бабе шубу захотел взять, пообещал ей, говорит. Это ж сколько зверей нужно убить, чтобы для такой бабищи шубу сшить. Уйму! И дед Макар отказал сыну. Вот шлендает по деревне в фуфайке, и пусть шлендает. А тот сразу взъерепенился. Стал говорить, что они его поят-кормят, все по хозяйству делают, а от него никакой отдачи, никакой помощи. Ага, отдай пенсию, а вечером на бровях вернутся. Им деньги на выпивку нужны, а не на шубы. Не успеют получить копейки на работе, сразу в сельмаг бегут, набирают бутылки и гуляют всю ночь или у дружков остаются, а утром, опухшие, расплозаются по домам. А потом, когда закончатся деньги, деда Макара начинают трясти. Многие в деревне пьют, даже бабы, да не каждый похмелется...

Завздыхал дед Макар. Покачал головой. Нахмурился, взглянув в сторону комнаты, откуда доносился храп. Потом опять глянул в окно. Зачернел сарай. Вот уж изгородь видна. А вдалеке промелькнул луч света. Видать, машина проехала. Эх, сынок, сынок... Опять закрутились думки деда Макара. Уж полжизни прожил сынок, а все какой-то неприспособленный. Все легкие пути ищет в жизни. Каждый год, как он перебрался в деревню, приходится с ним ругаться, чтобы хозяйством занимался. Земля стоит. Пора картоху сажать, грядки делать, а он не шевелится. Ладно, прошлый год сосед помогал. Правда, уплатить пришлось, а куда же денешься. Огород вспахал, да еще со своей бабой пришел, сажать помогли, а Валерка на крыльце сидел, все командовал, чтобы получше пахал и рядки поровнее делал, будто из своего кармана платил.

Слишком часто Валерка стал заглядывать в рюмку. Схлестнулся с соседом. Такой же алкашонок. Вот и пьянствуют. И его баба, Анька, с ними сидит, тоже рюмки опрокидывает. Странные времена пошли... Раньше, если лишнего пьешь, по собраниям затаскают, а если не исправляешься, отправят лечиться, а некоторых даже в тюрьму сажали. А сейчас, если взглянуть, всем наплевать на народ. Пусть пьют, пусть травятся и подыхают, меньше заботы и никого лечить не нужно. Кто захочет жить,

тот не станет пить, а кто будет в рюмки заглядывать, тот подохнет. А с другой стороны, если посмотреть, как тут не запьешь, если в деревнях никакой работы нет. Вот многие и слетают с катушек. С горя, от безысходности. А другие делают все, чтобы людей спойть и в могилу свести. В магазин зайдешь, и глаза разбегаются. Все полки заставлены сверху донизу. Пей — не хочу. И люди пьют. Многие. А если денег мало-мало, в аптеке настойки продаются. Всякие. Торгуют дрянью, от которой люди умирают. И получается, что человек за свои деньги смерть для себя покупает. Такого нигде не увидишь — только у нас. Эх, беда, беда...

Дед Макар завздыхал. Вон, Иван, что напротив живет. Страсть, какой работающий был! Все в руках горело. Ох, мастеровитый! А потом работы не стало. Он помыкался, помыкался, и в город ездил, думал, устроится, но и там работы не нашел. Хотел еще куда-то поехать, да не получилось. Баба заболела. Не мог одну оставить. А денег нет, чтобы ее лечить! С горя стал прикладываться к рюмке. Сразу собутыльники нашлись — такого добра возле каждого магазина хватает. Только помани, а желающие всегда найдутся. Жену похоронил и вообще с катушек слетел. Все из дома пропил. Голые стены остались. А дочка стала по клубам ездить. Такого на себя понавздевает, что титьки наружу торчат, того и гляди вывалятся. От отцовских рук отбилась, а к другим прибилась, или прибрали — кто ее знает, и мотается по рукам от одного к другому — мужиков убажает. А кто виноват, что сосед спился, и дочка по рукам пошла? Жизнь сделала такими и люди, кто к краю подталкивал.

Весна, а у него конь не валялся, как бабка Марья говорила. Дед Макар выглянул в окошко. Глаза бы не смотрели на огород. Запыхтел старик. Многие картоху посадили, всякую мелочевку на грядках, а они до сей поры телятся. Сынок со своей бабой, Анькой, выпасться и вволю нажраться не могут, когда трезвые, а про пьяных и говорить не хочется... А ему одному не совладать с огородом. Раньше-то полегче было, когда бабка была жива. Все успевали вдвоем. И на время не смотрели. День год кормит. Вся силушка ушла, когда бабки не стало, а к себе Боженька не забирает. Вот и приходится мучиться на этом свете...

Дед Макар поднялся. Прислушался к громкому храпу. Вздрыгнул, когда заорал петух. Чертыхнулся. Вышел. Зябко повел плечами. На веранде набросил на плечи потрепанную фуфайку. Ткнул ноги в галоши и спустился по ступенькам. Собака, заметив его, гавкнула и тут же осеклась, спряталась в конуру, когда старик погрозил шишкастым пальцем. Скрипнув калиткой, вышел и уселся на скамейке возле двора, поглядывая по сторонам.

— Здоров, Макар,— донесся голос.— Что вышел-то? Все равно скотинку не держите.

— Здоров будь, Климка,— старик махнул рукой соседу.— А что, нельзя со двора выходить? Хочу на тебя посмотреть. Давно не видел.

Не удержался, съязвил дед Макар.

— А, ну гляди, гляди,— закивал головой сосед,— только дырку не просверли своим взглядом. Хе-х!

И, кашляя, засмеялся.

— Язва ты, Клим,— буркнул дед Макар.— Как с тобой бабка уживается. Другая бы давно кочергой да по хребтине, а твоя...

— А моя такая же, как я — тоже язва, да еще какая,— захекал, затрясся старый Клим.— Поэтому и терпит,— и тут же.— Слышь, Макар, а что картоху не сажаете?

Дед Макар чертыхнулся.

— Что-что...— заворчал он.— Валерка говорит, нечего сажать, силы тратить, когда можно в магазине купить. Он силушку не хочет тратить, а деньги готов направо и налево пускать, которых у него и нету. А как же, Климка, без огорода-то? Беда! На магазин надейся, а сам не плошай. Правильно говорили, как потопаешь, так и полопаешь.

— Твоя правда, Макар, как потопаеть, так и будешь зимой кушать,— закивал головой старый Клим.— И что надумал?

Дед Макар взглянул на небо. Чистое, ни единого облачка. Над речкой поднимался туман и надвигался на огород старика, все больше и больше скрывая землю в белесой мгле, словно хотел скрыть заросшую сорняками землю. Дед Макар горестно покачал головой. Разве так можно, чтобы землю неухоженной оставить. Такого же никогда не было. Чем больше за землицей ухаживаешь, тем больше она отдает. А надеяться, что Валерка в магазинах понакупает,— это бабка надвое сказала. Сегодня есть в магазинах, а завтра не будет, и что тогда? С голоду помирать или на власти надеяться, что завезут или помогут? Ага, завезут... Власть план выполняет на водке и алкашах. Чем больше пьют, тем больше денег. В этой жизни надежда одна — на себя и все на этом. Человек живет, пока занят работой. Да, так и есть. А если посмотреть на землю, она как и человек. Каждый год за ней ухаживают, пашут, сажают, боронуют, рыхлят, сорняки полют. Осенью соберут урожай. Перекопают, чтобы она по весне стала мягкой. А весна приходит, и не узнаешь землицу-то. И твердая, словно за ней не ухаживали, и сорняки недуром лезут. Значит, земля просит, чтобы за ней ухаживали. И снова приходится пахать, бороновать, полоть, чтобы осенью собрать урожай. И так каждый год. И получается, что человек, как пуповиной, связан с землей. Пока он работает на земле, он будет жить, потому что земля силу дает...

— Что молчишь, Макар? — отвлек от думок голос соседа.— Кричу ему, кричу, а он в небо уставился и что-то там рассматривает. Не иначе, свою Марью высматриваешь. Хе-х!

И тоненько засмеялся.

— Глянь, Климка, какое чистое небо,— завздыхал дед Макар.— Погода хорошая будет. Сажать пора, чтобы земля не застаивалась, чтобы своего хозяина знала. Нет, это земля — хозяйка, а мы — детишки ее. И мы не должны забывать свою мамку-кормилицу.

Дед Макар поднялся. Зашел в сарай, потом появился, держа в руке лопату, и, отмахнувшись от сына, который вышел на крыльцо, позевывая, старик открыл калитку, по тропке добрался до огорода. Постоял, осматриваясь, а потом всадил лопату и стал выворачивать пласты земли.

— А ты, Валерка, можешь покупать в магазине...— приговаривая, он копал.— И еще раз в магазине, и все запасы делай там, а я уж свое стану выращивать, покуда ноги держат.

И копал, изредка поглядывая на чистое небо.

Знал, что бабка Марья с небес на него смотрит и радуется...